

Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции

Кира Евгеньевна Кожухова ✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Аннотация. Вторая китайско-японская война была крупным конфликтом между Китаем и империалистической Японией. Китай оказался особенно уязвим для внешней оккупации: страна была политически разделена, социально фрагментирована и находилась в неблагоприятном экономическом положении. Хотя Китай понес огромные потери, сопротивление, вызванное антипатией народа к нарастающей агрессии Японии, привело к окончательному поражению японских войск. Воспоминания о национальном унижении первоначально подавлялись из-за опасений, что травмирующие события могут подорвать национальное восстановление и государственное строительство. Однако Китай постепенно начал осознавать свою силу в формировании собственного нарратива военного времени. Официальный отчет Китая о Войне сопротивления Японии не только вернул его военным усилиям подобающее место, но и усилил призыв к национализму, представив себя жертвой войны. В Китае в конце XX в. начались организованные государством кампании по увековечиванию памяти о Второй китайско-японской войне. Чтобы еще больше мобилизовать молодежь, незнакомую с потрясениями и унижениями прежнего Китая, была начата кампания по патриотическому воспитанию. Национальный нарратив об унижении является связующей силой между гражданами и родиной, которая усиливает социальную и политическую принадлежность. Позиционирование Китая как жертвы японской интервенции позволяет проводить амбициозную внешнеполитическую программу, направленную на предотвращение повторения унижения. Вместе с тем всплеск националистических настроений может отразиться в политических решениях и поведении Китая на международной арене.

Ключевые слова: историческая память, Китай, интервенция, историческая политика, Вторая мировая война

Для цитирования: Кожухова К.Е. Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 172-182, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-172-182](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-172-182)

Historical Memory of the Chinese People: the Consequences of the Japanese Intervention

Kira E. Kozhukhova ✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Abstract. The Second Sino-Japanese War was a major conflict between China and imperialist Japan. China proved to be particularly vulnerable to external occupation: the country was politically divided, socially fragmented, and economically disadvantaged. Although China suffered huge losses, the resistance caused by the people's antipathy to the growing aggression of Japan led to the final defeat of the Japanese forces. Memories of national humiliation were initially suppressed due to fears that traumatic events could undermine national reconstruction and nation-building. However, China gradually began to realize its power in shaping its own wartime narrative. China's official report on the War of Resistance against Japan not only returned its war effort to its proper place but also reinforced the call for nationalism by presenting itself as a victim of the war. At the end of the 20th century, state-sponsored campaigns began in China to perpetuate the memory of the Second Sino-Japanese War. To further mobilize young people unfamiliar with the shocks and humiliations of the former China, a patriotic education campaign was launched. The national narrative of humiliation is a binding force between citizens and the motherland, which strengthens social and political affiliation. Positioning China as a victim of Japanese intervention allows for an ambitious foreign policy program aimed at preventing a repeat of the humiliation. At the same time, the surge in nationalist sentiments may be reflected in China's political decisions and behavior in the international arena.

Keywords: historical memory, China, intervention, historical policy, World War II

For citation: Kozhukhova K.E. Historical Memory of the Chinese People: the Consequences of the Japanese Intervention. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 2(20): 172-182, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-172-182](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-172-182)

Введение

Вторая китайско-японская война 1937–1945 гг., или «Восьмилетняя война сопротивления Японии», относится к военному конфликту между Китаем и Японской империей во время Второй мировой войны. Несмотря на невообразимые масштабы человеческих страданий и разрушительные последствия данной войны для китайского общества, восемь лет сопротивления способствовали приходу к власти Коммунистической партии Китая (КПК) и созданию Китайской Народной Республики, которая в настоящее время является одной из самых могущественных держав мира.

Национальные воспоминания о войне могут быть обманчивыми и избирательными. В случае Китая то, что и как помнит общественность, подвергается контролю и влиянию со стороны государственной власти ввиду особенностей социалистической идеологии с «китайской спецификой». Сразу после Второй мировой войны воспоминания о зверствах японских интервентов подавлялись и игнорировались. Затененные идеей создания нового социалистического государства события минувших лет позже были восстановлены в память о тех, кто был убит на войне, и, что более важно, эта память стала средством трансцендентности, способным выдержать испытание временем. Политбюро ЦК КПК вызвало национальную солидарность, представив опыт Китая во время Второй мировой войны как историю жертвоприношения [20]. На протяжении 1970-х и 1990-х гг. центральное правительство КНР прививало растущее чувство коллективного сознания через воспоминания о национальном унижении, увековечивая память жертв Нанкинской резни в музеях, воссоздавая сцены насилия в Нанкине в кинематографических постановках и проводя кампанию по патриотическому воспитанию и сохранению памяти [9].

Вопреки традиционным конфуцианским подходам [4], Китай продемонстрировал парадокс в построении новой китайской социалистической нации: рост китайского национализма, сосредоточенный на нарративе о жертвах Войны сопротивления Японии, скорее активизировал, чем ослабил решимость во внешнеполитических действиях Китая. Один из главных столпов китайского национализма зиждется на опыте отношений с империалистическими странами с середины XIX в. Государственные китайские нарративы о национальном унижении высвободили сильную потребность восстановить национальную гордость Китая и избежать повторного попадания в роль жертвы западного и японского империализма, что называется в китайской риторике «веком унижения», который берет начало с эпохи «Опиумных войн» с Великобританией. При этом неспособность Китая и Японии примирить свои разногласия в исторических отчетах и признании итогов о Нанкинской резне посеяла семена взаимного политического антагонизма [17; 19; 21].

Более того, мифологема унижения и виктимизация заставили Китай принять относительно гоббсовское представление о международной системе, которое

подразумевает упорядочивание мировых дел более сильными государствами. Основной принцип сводится к национальной силе: сильные государства могут диктовать условия международного порядка, в то время как более слабые государства могут только подчиняться из-за неравного распределения власти. Это имеет серьезные последствия для того, как Китай взаимодействует с крупными державами. Воспринимая мир как конкурентную арену, Китай чувствует себя обязанным расширять свою национальную мощь, чтобы защитить себя от внешних угроз, таких как оккупация и интервенция [7; 13]. В результате националистические настроения, порожденные риторикой виктимизации в исторической памяти, заставили китайское государство опасаться усиления иностранного господства и рассматривать внешний мир как враждебный.

Материалы и методы

Для проведения исследования были использованы материалы на китайском языке для выявления содержания и понимания исторической памяти как политического феномена в дискурсе современной китайской общественно-политической мысли. Выборка изученных трудов позволила выявить первопричины важности истории у китайского народа. Отдельно посредством качественного контент-анализа были изучены высказывания председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина для анализа влияния философии текущего лидера Китая на формирование сущности исторической памяти с китайской спецификой.

Результаты исследования

Уроки истории – ключ к процветанию китайской нации

Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин неоднократно указывал, что китайский народ должен изучать историю партии и страны, знать историю, любить партию и любить страну. Как отметил Си Цзиньпин в одном из своих выступлений, «история нации – это основа для ее выживания и процветания» [14].

Отметим, что национальная история не только сохраняется в различных формах текстов, физических объектов, изображений и других записей, но и аксиологически запечатлена в национальной исторической памяти народа. В политическом же плане важно то, что при изучении, популяризации и развитии образования в области национальной истории наблюдается тренд на сохранение исторической памяти и опыта в разных форматах и на разных языках, формирование научного, исторического, национального, государственного и культурного мировоззрения, а также на направление исторической политики, отражающей сущность исторической памяти нации [2].

Как отмечает современное китайское научное сообщество, правильное формирование и направление национальной исторической памяти народа сопряжено со многими серьезными трудностями [20]. Существует большой разрыв между содержанием и формой пропаганды, образования и распространения национальной истории и познавательными потребностями людей. Информация, связанная с национальной историей, в Интернете и других новых средствах массовой информации носит неоднозначный характер [5], что мешает правильному пониманию национальной истории; исторический нигилизм, такой как искажение истории, очернение страны, очернение лидеров и клевета на национальных героев, до сих пор имеет широкое распространение [10]. При этом, как закономерно прокомментировал китайский ученый Чжэн Ван, исторический опыт и историческое познание любого человека неизбежно несут в себе ограниченность или односторонность из-за особенности отдельно взятой личности, что, в свою очередь, влияет на способность людей формировать объективную, всестороннюю и правильную национальную историческую память [12].

Ознакомление же с официальной позицией китайского правительства показывает, что пропаганда и просвещение в области национальной истории должны быть направлены на всестороннюю, систематическую и научно обоснованную позитивную пропаганду с целью создания мощной позитивной энергии, отражающей основное течение, суть и закономерности национальной истории [3; 8]. Вместе с тем в вопросах, касающихся политических принципов, Китай все же придерживается философии материализма: «Мы должны обладать высокой степенью политической проницательности, глубоко понимать природу и вред исторического нигилизма, целенаправленно противостоять историческому нигилизму и опровергать его, а также использовать строгую академическую критику и анализ для различения исторической правильности и неправильности и прояснения неясных представлений» [16].

Несомненно, целенаправленное формирование и направление исторической памяти страны играет важную роль в укреплении исторической идентичности, построении исторического консенсуса и работает на укрепление обороны страны [1]. Именно поэтому интересно обратиться к мыслям, содержащимся в выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина, философии которого посвящено немало китайской литературы, связанной с сохранением исторической памяти китайского народа об опыте борьбы с японскими захватчиками.

Философское осмысление феномена исторической памяти современным китайским материализмом

По словам китайского теоретика Чжан Ливэня, философия – это «суть духа времени, а китайская философия горда, как облака и туман, сильна, как ветер и дождь, она размышляет обо всех аспектах, находит источник сердца, проникает глубоко и далеко и адаптируется к изменениям. Он проливает свет на историю

философии, пробуждая в нас мудрость китайской цивилизации, делая любовь к восточной мудрости особенно яркой и блестящей»¹. При этом автор небезынтересно подчеркивает, что «страна без исторической памяти и теоретического мышления не имеет будущего»². Страна без теоретического мышления не имеет будущего, а китайская нация, как известно, имеет более 5 000 лет истории. За это время ее представителями создано множество трудов, дошедших до наших дней, таких как «Книга перемен», «Дао дэ цзин», «Лунь Юй», «Мо-цзы», «Искусство войны», «Четыре книги», «Наставления для практической жизни» и «Комментарий к истинной истории Конфуция».

Как было отмечено выше, философия Си Цзиньпина является основополагающей для понимания современного вектора развития китайской мысли – как политической, так и общественной в широком смысле. Поэтому уместно обратиться к положениям его выступлений, проанализированных отделом пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая в работе «Вопросы и ответы по изучению дипломатической мысли Си Цзиньпина» [14], дабы найти отражение в китайской исторической памяти опыта японского захватничества.

Традиционное китайское восприятие времени и места своей страны в мире диктует и поэтичность современного китайского понимания феноменов бытия. К примеру, Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что история – это самая глубокая общая память страны и нации, она записывает прошлые битвы и страдания народа и возвещает о яркости и славе будущего, история – лучший учебник [14; 15; 18]. Нельзя не вспомнить акцент в китайской философии на понятии «дао» («путь»), и именно новый путь предлагает Китаю его современная мысль.

При этом лидер КНР отмечает, что «чтобы провести глубокое исследование войны сопротивления китайского народа японской агрессии, мы должны придерживаться правильной исторической перспективы, усилить планирование и интеграцию сил, усилить сбор и организацию исторических материалов и усилить работу по пропаганде общественного мнения, позволить истории говорить, использовать исторические факты, чтобы говорить, и сосредоточиться на изучении и глубоком толковании основных вопросов, таких как огромное значение войны сопротивления китайского народа японской агрессии, важное место войны сопротивления китайского народа японской агрессии в мировой антифашистской войне и роль Коммунистической партии Китая как оплота победы войны сопротивления китайского народа японской агрессии» [14]. Си Цзиньпин не только указывает на руководящую идеологию, методы и фокус, которых необходимо придерживаться при изучении истории войны сопротивления японской агрессии, но и определяет ориентиры относительно того, как Китай сегодня и даже мир могут правильно понять прошлое, осознать настоящее и создать будущее, пройти правильную дорогу к всеобщей гармонии.

1 张立文. 中国哲学之道 [Дао китайской философии]. [The Dao of Chinese Philosophy]. URL: http://www.qstheory.cn/culture/2020-04/13/c_1125847277.htm.

2 Там же.

В этой связи подчеркивается и образ Китайской Народной Республики как своеобразного феникса, восставшего для победы над интервентами. В частности, интересен следующий сюжет: «Победа 70 лет назад (речь Си Цзиньпина, приведенная в данной цитате, датируется 2015 годом – прим. К.Е.) стала первой полной победой Китая в сопротивлении иностранному вторжению в современную эпоху, и она восстановила статус нашей страны как крупной державы в мире. Люди, которые когда-то были разрознены, объединились под знаменем Национального единого антияпонского фронта, пропагандируемого Коммунистической партией Китая, и построили Великую стальную стену, которую враг не смог преодолеть. Именно благодаря сильному политическому руководству Коммунистической партии Китая, ее практическим стратегическим предложениям, ее гибким и маневренным военным стратегиям и ее героической борьбе без страха перед могущественными врагами надежда китайского народа зажглась в самый темный момент истории, был указан правильный путь для китайской нации к достижению поворотного момента в ее судьбе, и 400 миллионов соотечественников собрались вместе, чтобы разделить огромную силу для противостояния национальному кризису. Глубокое исследование истории войны сопротивления японской агрессии должно глубоко объяснить основные вопросы, такие как огромное значение войны сопротивления японской агрессии, важное положение войны сопротивления Китая японской агрессии в мировой антифашистской войне и стержневая роль Коммунистической партии Китая как ключа к победе в войне сопротивления японской агрессии. Оно глубоко показывает, что руководство нашей партии Китаем является выбором истории и народа и является основной гарантией для реализации великого возрождения китайской нации» [14]. Обращает на себя внимание заключительные мысли, которые содержат одну из ключевых идей современной китайской политической риторики в виде великого возрождения китайской нации. Это в основном внешнеполитическое заявление содержит целевую установку в виде реализации «китайской мечты», образ которой тесно связан с Председателем КНР Си Цзиньпином с самого начала его вступления в должность в 2012 г. «Китайская мечта» представляет собой стремление Китая вернуть свою славу и мощь, которая, как утверждается, была разрушена иностранными державами во время «века унижения» в конце XIX – начале XX в., и превратить Китай в развитую и ведущую страну к 2049 г. Таким образом, интересно взаимопроникновение исторической и внешней политики КНР, активизация желаний и чаяний китайского народа изнутри путем поднятия национального духа.

О драматическом прошлом, в котором смогла выстоять страна, напоминает и Председатель КНР: «Великий дух истории должен передаваться по наследству из поколения в поколение. Под железным копытом японского фашизма земля Китая превратилась в сущий ад. Но яростная резня захватчиков не смогла напугать единый китайский народ. Испытание кровью и огнем, борьба между жизнью и смертью выковали великий дух сопротивления. Китайский народ показал миру свое патриотическое чувство, что каждый человек несет ответственность за подъем и падение страны, свою национальную целостность, состоящую в том, чтобы

хладнокровно встречать смерть и не сдаваться, свой героический дух, не боящийся насилия и борющийся до конца, и свою непреклонную и непоколебимую веру в победу» [14]. Действительно, у нации без исторической памяти нет будущего, и закономерно, что только помня о великой истории Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам, выкованной кровью и ценой человеческих жизней, помня о подвигах китайского народа в деле защиты национальной независимости и свободы, защиты суверенитета и достоинства Родины, помня о великом вкладе китайского народа в победу во Второй мировой войне и продолжая дух Войны сопротивления Японии, Китай пытается создать новое будущее, обращаясь к своей истории, защищая национальное достоинство и честь, содействуя развитию и прогрессу человечества.

Подводя итоги, Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин предложил научно-исторический взгляд, основанный на его понимании долгосрочных, масштабных и целостных тенденций мирового исторического развития, а также на широком контексте великих изменений в мире, невиданных за столетие, и общей стратегической картине великого возрождения китайской нации. Такое видение предполагает активное развитие исторической сознательности китайского народа и одновременно содержит некоторые признаки реванша. Как подчеркнул Си Цзиньпин, «народ является движущей силой создания истории. Мы, коммунисты, никогда не должны забывать этот основополагающий принцип исторического материализма» [14].

Выводы

Недавняя активизация исторической памяти о Второй мировой войне и японской интервенции в Китае была в значительной степени обусловлена централизованно спланированным и систематически осуществляемым изменением дискурса, которое осталось незамеченным в профильной литературе. Некогда доминировавший образ «национальной виктимизации» больше не является основным в риторике КПК о Второй мировой войне. При правительстве Си Цзиньпина общественный нарратив сменился в сторону декларации о «национальной победе» и «национальном величии», направленной на укрепление легитимности Пекина и продвижение его целей в области внутренней и внешней политики.

Как принято говорить в Китае, китайский народ восстал при Мао Цзэдуэ, разбогател при Дэн Сяопине и становится сильнее при Си Цзиньпине. Новая эра требует нового дискурса, соответствующего нынешним целям и амбициям. Именно в этом ключе происходит и переосмысление Си Цзиньпином памяти о Второй мировой войне. По сравнению с предыдущими парадигмами новая линия исторической политики более инклюзивна и содержит четкие уроки – и скрытые предупреждения – для настоящего и будущего. Ключевым вопросом будет то, насколько этот более уверенный и амбициозный новый дискурс устоит перед лицом растущего глобального давления на Китай.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Система ценностей и оборона страны [System of Values and Defense of the Country] // Место и роль армии в российском обществе: социологический анализ: материалы научной конференции / под ред. профессора В.И.Добренкова. М.: КДУ, 2007. С. 146–159.
2. Доронин Б.Г. Китай: Историческая память как основа национальной государственности (взгляд китайского историка) [China: Historical Memory as the Basis of National Statehood (from the Perspective of a Chinese Historian)] // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 137–149.
3. Киселёва А.Р. Влияние исторической памяти китайцев о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. на современные отношения между Китаем и Японией [Influence of Chinese Historical Memory of the Sino-Japanese War of 1937–1945 on Modern Relations between China and Japan] // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 23–36.
4. Лапина З.Г., Шилин К.И., Дяхова Д.В. Социализм с китайской спецификой (конфуцианские истоки) [Socialism with Chinese Characteristics (Confucian Origins)] // Национальные концепции социализма и судьбы России. М.: ИД Граница, 2004. С. 225–233.
5. Ракитянский Н.М. Потенциал и проблемы китайского политического менталитета в эпоху интернета [Potential and Problems of Chinese Political Mentality in the Internet Era] // Государственное управление в эпоху интернета: сборник публикаций Международной научной конференции. Шанхай, 2016. С. 263–280.
6. Сериков А.Е. Восприятие времени в китайской культуре [Perception of Time in Chinese Culture] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2(20). С. 50–61.
7. Тихомиров А., Тихомирова К. Китайское миропонимание. Обзор китайской философии [Chinese Worldview. Review of Chinese Philosophy]. М.: Литров, 2022. 86 с.
8. Хубриков Б.О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее [Historical Policy in Modern China: Constructing the Past, Imagining the Future] // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 3. С. 145–156.
9. Lary D. The Chinese People at War: Human Suffering and Social Transformation, 1937–1945. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 148–152.
10. Xu Guoqi. Historical Memories and China's Changing Views of East Asia // The Journal of American-East Asian Relations. 2002. Vol. 11. № 1/4. P. 41–57.
11. Yang Lijun. A Clash of Nationalisms: Sino-Japanese Relations in the Twenty-First Century // China-Japan Relations in the 21st Century: Antagonisms Despite Interdependency / ed. Lam Peng Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 88–89.
12. Zheng Wang. National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China // International Studies Quarterly. 2008. Vol. 52. № 4. P. 784.
13. 中国站路文化换成与发展 [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. [The Inheritance and Development of Chinese Strategic Culture]. 北京 (Пекин): 时事出版社 (Издательство «Текущие события»), 2008. 頁 (страница) 71.
14. 习近平外交思想学习问答 (Вопросы и ответы по изучению дипломатической мысли Си Цзиньпина) [Questions and Answers on Studying Xi Jinping's Diplomatic Thought]. 北京 (Пекин): 人民出版社 (Народное издательство), 2023.
15. 国际形势和中国外交蓝皮书. 2023/2024 (Данные о международной ситуации и «Синяя книга китайской дипломатии». 2023/2024) [International Situation and China's Blue Book of Diplomacy. 2023/2024]. 北京 (Пекин), 2024.
16. 李樹熙. 中國的第三世界政策與地緣政治策略 (Ли Сеси. Политика Третьего мира и геостратегическая стратегия Китая) [China's Third World Policy and Geostrategic Strategy] // 香港社會科學學報 (Гонконгский журнал социальных наук). 2009. 春-夏 (Весна-лето). 頁 (страница) 139–161.
17. 王岳川, 胡森森. 文化战略 (Ван Юечуань, Ху Мяосэн. Культурная стратегия) [Cultural Strategy]. 上海 (Шанхай): 复旦大学出版社 (Издательство университета Фу дань), 2010.
18. 王帆. 中国外交战略选择 (Ван Фань. Дипломатический стратегический выбор Китая) [Diplomatic Strategic Choice of China]. 北京 (Пекин), 2023.
19. 葉江. 全球治理與中國的大國戰略轉型 (Е Цзян. Глобальное управление и Большая стратегия Китая) [Global Governance and China's Grand Strategy]. 北京 (Пекин): 时事出版社 (Издательство «Текущие события»), 2010.
20. 韩源. 中国国家文化安全形势与站路 (Хань Юань. Ситуация и стратегия национальной культурной безопасности Китая) [Situation and Strategy of China's National Cultural Security]. 北京 (Пекин): 光明日报出版社 (Издательство газеты «Гуанмин»), 2023. 頁 (страница) 162.
21. 齐建华. 影响中国外交决策的五大因素 (Ци Цзяньхуа. Пять факторов, влияющих на дипломатические решения Китая) [Five Factors Influencing China's Diplomatic Decisions]. 中央编译出版社 (Центральное издательство сборников), 2010.

Информация об авторе

КОЖУХОВА Кира Евгеньевна. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1. kira.kozhuhova@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликовано: 1 июня 2026 г. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belozerov V.K. System of Values and Defense of the Country. In: The Place and Role of the Army in Russian Society: Sociological Analysis: Materials of the Scientific Conference. Ed. by Professor V.I.Dobrenkov. Moscow: KDU [KDU], 2007:146–159 [In Russian].
2. Doronin B.G. na: Historical Memory as the Basis of National Statehood (from the Perspective of a Chinese Historian). Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2016; 54:137–149 [In Russian].
3. Kiseleva A.R. Influence of Chinese Historical Memory of the Sino-Japanese War of 1937-1945 on Modern Relations between China and Japan. Rossiya v global'nom mire [Russia in the Global World]. 2022; 24(47):23–36 [In Russian].
4. Lapina Z.G., Shilin K.I., Dyakhova D.V. Socialism with Chinese characteristics (Confucian Origins). In: National concepts of socialism and the fate of Russia. Moscow: ID Granica [Publishing house Frontier], 2004:225–233 [In Russian].
5. Rakityansky N.M. Potential and Problems of Chinese Political Mentality in the Internet Era. Public Administration in the Internet Age: Collection of Publications of the International Scientific Conference. Shanghai, 2016:263–280 [In Russian].
6. Serikov A.E. Perception of Time in Chinese Culture. Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya" [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology"]. 2016; 2(20):50–61 [In Russian].
7. Tikhomirov A., Tikhomirova K. Chinese Worldview. Review of Chinese Philosophy. Moscow: Lytrov [Lytrov], 2022. 86 p. [In Russian].
8. Khubrikov B.O. Historical Policy in Modern China: Constructing the Past, Imagining the Future. Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]. 2022; 13(3):145–156 [In Russian].
9. Lary D. The Chinese People at War: Human Suffering and Social Transformation, 1937–1945. New York: Cambridge University Press, 2010:148–152 [In English].
10. Xu Guoqi. Historical Memories and China's Changing Views of East Asia. The Journal of American-East Asian Relations. 2002; 11(1/4):41–57 [In English].
11. Yang Lijun. A Clash of Nationalisms: Sino-Japanese Relations in the Twenty-First Century. In: China-Japan Relations in the 21st Century: Antagonisms Despite Interdependency. Ed. Lam Peng Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017:88–89 [In English].

12. Zheng Wang. National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China. *International Studies Quarterly*. 2008; 52(4):784 [In English].
13. 中国站路文化换成与发展. 北京: 時事出版社, 2008. 頁71. (The Inheritance and Development of Chinese Strategic Culture. Beijing: Shishi Chubanshe, 2008:71) [In Chinese].
14. 习近平外交思想学习问答. 北京: 人民出版社, 2023 (Questions and Answers on Studying Xi Jinping's Diplomatic Thought. Beijing: People's Publishing House, 2023) [In Chinese].
15. 国际形势和中国外交蓝皮书. 2023/2024. 北京, 2024 (International Situation and China's Blue Book of Diplomacy. 2023-2024. Beijing, 2024) [In Chinese].
16. 李樹熙. 中國的第三世界政策與地緣政治策略. 香港社會科學學報. 2009. 春-夏. 頁 139-161. (Li Xiexi. China's Third World Policy and Geostrategic Strategy. *Xianggang shehui kexue bao* [Hong Kong Social Science Journal]. 2009; Spring-Summer:139-161) [In Chinese].
17. 王岳川, 胡淼森. 文化战略. 上海: 复旦大学出版社出版, 2010 (Wang Yuechuan, Hu Miaoxian. *Cultural Strategy*. Shanghai: Fudan University Press, 2010) [In Chinese].
18. 王帆. 中国外校战略选择. 北京, 2023 (Wang Fan. *Diplomatic Strategic Choice of China*. Beijing, 2023) [In Chinese].
19. 葉江. 全球治理與中國的大國戰略轉型. 北京: 時事出版社, 2010 (Ye Jiang. *Global Governance and China's Grand Strategy*. Beijing: Shishi Chubanshe, 2010) [In Chinese].
20. 韩源. 中国国家文化安全形势与站路. 北京: 光明日报出版社, 2023. 頁 162. (Han Yuan. *Situation and Strategy of China's National Cultural Security*. Beijing: Guangming Daily Press. 2023:162) [In Chinese].
21. 齐建华. 影响中国外交决策的五大因素. 中央编译出版社出版, 2010 (Qi Jianguhua. *Five Factors Influencing China's Diplomatic Decisions*. Central Compilation Press. 2010) [In Chinese].

About the author

Kira E. KOZHUKHOVA. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>. Address: Build. 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. kira.kozhuhova@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.